

Живаго и Кукурузник

Сказочка такая была, помните, наверное. Про Колобка... Как он от волка ушел, от медведя ушел, а уж от лисы...

К чему я это? Да, ведь — вот как странно получается. Живаго от Шалашника Разливного ушел, от Генералиссимуса ушел, а Кукурузник его все-таки достал.

Мне могут возразить, дескать, не казнили же, не посадили, не сослали даже...

— Подумаешь, — скажет кто-то, типа Собакевича, — мол, нервы надо крепче иметь!

Но откуда у поэта нервы? Ведь это же струны, на которых играет он миру о своей любви и грусти.

И окружает поэта печаль просторная, как небо на ветру.

"Жизнь прожить — не поле перейти"... Особенно, если жизнь эта при вождах, обрушивающих на нас социализм. Любый живший (и живущий) тут искалечен его обломками. И я, автор, пришедший к размышлениям своим по полю жизни. Не исключено, что минному...

Итак, Шалашник в Разливе Живаго погубить не успел. Тут, видимо, многие подсустились. И Каплан — косоглазая киллерша, забывшая право: "Не умеешь — не берись!". Хорошо, хоть вообще попала.

Вероятно, и Арман, одарившая вождя своей национальной болезнью. Опять же, цветочки на ее могилке поливать надобно, еще священников побольше расстрелять... Ох, а на все время-то нужно!

Опять же, те теребят, эти... ходоки, эсеры, соратники. И для каждого слово придумай, легендочку развей. Для потомков...

В общем, масса дел, архисложных и архисрочных...

С миру по нитке...

Генералиссимус Живаго не трогал. Возможно, просто не до того было. То коллективизация, то борьба с оппозициями, а их не сосчитать, потом война, а после войны опять борьба. С разрухой, с ленинградцами, с врачами, с безродными космополитами... Забот полон рот!

Но как-то позвонил, Сам! Правда, о жизни и смерти поговорить с Живаго не захотел. И то — кто больше вождя знал о смерти? Так что, разговоры таковые — пустая трата времени.

Опять же, космополиты...

Кстати, под понятие — безродный космополит — Живаго очень даже подходил! И родственники в Оксфорде! Живые! Но проскочил Живаго. Самого Генералиссимуса проскочил...

Видимо, как говорил, сперва у вождя руки не доходили, а потом он сам, слава Богу, дошел.

А возможно, Генералиссимусу очень понравилась эпиграмма на злейшего друга Шалашника, которую написал Живаго.

Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной.
Он управлял теченьем мыслей
И только потому — страной.

Впрочем, сказанное можно отнести и к самому Генералиссимусу...

И Кукурузник Живаго спервоначалу не трогал. Он вообще понятия не имел — кто это такой. Малограмотным, на всю голову, был Кукурузник.

Собственно, так тогда велось. Кто малограмотней — тот выше. И голова полегче — вниз не тянет.

Кукурузника интересовали международные дела. Да еще как! Очень он это дело любил. В гости куда съездить, туфлями по столу постучать... Хотя, туфлями он только один раз и постучал. Уж больно жали! Новые пришлось в гости к мировой общественности надеть, не разношенные. А они жали, гады, да так, что спасу нет. А тут такой случай! И туфли, наконец, скинуть можно, и свой протест мировому империализму выразить.

Только империалисты эти и примкнувшие к ним слабовольные демократы порыва души не поняли, не оценили. Вернее, оценили, но в довольно-таки крупную сумму. Хорошо, хоть не Кукурузнику платить, а государству.

Опять же, туфли, после всего, снова надевать пришлось. Так что обидно до слез!

Большое зло затаил Кукурузник на империалистов и их пособников. Тем более что еще одна причина имела. Уж больно Кукурузник Нобелевской премии добивался, И для себя, и для Плагиятора Донского. (Был такой "писатель", прославившийся романом, украденным у другого, и доносами, написанными собственноручно). Нобелевская премия — это тебе не Ленинская! За нее, кроме денег настоящих, почет и уважение во всем мире. Деньги можно державе вернуть, в компенсацию за туфли, а почет себе оставить. Такого почета на всю жизнь хватит!

Эх, мечты...

А Нобелевскую премию совсем другому дали. Какому-то Живаго...
А еще за роман, опубликованный за границей. У империалистов... У лгетворных западников...

— А это кто такой? — в ярости Кукурузник.

— Поэт! — отвечают, разузнав.

Да, чтоб какому-то рифмоплету за его куплеты премию такую дали,
а Кукурузнику — шиш! Такого и быть-то не должно!

Показать этому Живаго Кузькину Мать!

Это команда такая у Кукурузника имелась, типа — Фас! — у собачников. Ну, и кинулась свора собачья на Живаго, лая и подвывая.

У псов свои резоны имелись. И назывались они так:

— Зависть.

— Невежество.

— Ненависть.

— Бездарность.

— Трусость.

— Простота.

Названий-кличек много больше, но разве имена всех шавок запомнишь! Да и много чести... Опять же, о те времена множество собак под одной кличкой ходило.

И началось!..

Обо всех и говорить не стоит. Да и противно. Да и жутко, до чего люди дошли. Вина на них страшная...

Были и такие, кто промолчал. Даже не знаю, как их назвать.

Нашлись и приличные люди. Среди писателей, я имею в виду. Немного... Гораздо меньше промолчавших. Может, с десяток... Хотя, на такую страну и десяток приличных людей-писателей немало! Очень даже немало!

Множество кар братья-писатели, поддержанные "всем советским народом", предлагали.

Среди самых мягких, сторяча, выслать Живаго решили просить у правительства. Даже, вроде, попросили. Потом, правда, обратный ход дали. Рассудили примерно так:

— Будет Живаго на проклятом Западе жить-поживать, как им и не снилось, а им тут гнить при родном социализме! Несправедливо!

Короче, передумали. А зря! Им и в головы не пришло, что Живаго Родину любил. Не так, как они, а по-настоящему. Любил и дорожил ею. Они-то душу готовы были продать за заграникомандировки.

Передо мной стенограмма заседания Союза писателей, Того самого, на котором Живаго из членов этого самого Союза исключили. Лучшего поэта России! Величайшего!

Смотрю на имена выступавших. Бездарь, бездарь, бездарь... Все бездарь? Увы, нет! Так почему же? Говорил уже — у своры много имен.

А что Кукурузник? А Кукурузник телеграммы получать стал. Из других стран. И в огромном количестве! Раньше только из соцлагеря приходили. да и то на праздники, а тут — лавина!

Обрадовался сперва Кукурузник, а как читать начал — разозлился. Все о Живаго писали!

Потом его идея осенила. Да такая классная, что он ею с Политбюро поделился:

Хочешь, чтоб тебе почаще писали — начни всяких Живаго прижимать!

На всякий случай слегка свору свою попридержал. Не успели псы-горемыки затравить Поэта сразу. Ну, да он сам, вскорости...

Ну почему, Господи, не сбылись слова, к Тебе обращенные?

И убитый гимназистик молил.

И убитый красноармеец молил.

И Живаго молил:

— Воззовет ко Мне, и услышу Я его; с ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его; долготой дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое.

(Пс. 90)

